Д.П. Волков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
volk-d@yandex.ru*

НАЙФЕЛЬДСКАЯ И ТРОИЦКАЯ ГРУППЫ МОХЭ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ: СРАВНЕНИЕ И ГИПОТЕЗЫ

Аннотация. В работе рассмотрены найфельдская и троицкая группы раннесредневековых мохэ Западного Приамурья. Проведен сравнительный анализ этих групп и высказана гипотеза об их отнесении к отдельным археологическим культурам.

Ключевые слова: мохэ, найфельдская и троицкая группы, Западное Приамурье.

D.P. Volkov

*Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS
Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
volk-d@yandex.ru*

THE NAYFELDSKAYA AND TROITSKAYA GROUPS OF MOHE OF THE WESTERN AMUR REGION: COMPARISON AND HYPOTHESES

The author studies the Nayfeldskaya and Troitskaya groups of the early medieval Mohe of the Western Priamurye. He conducts their comparative analysis and expresses the idea of their isolation into separate archaeological cultures.

Keywords: Mohe, Nayfeldskaya and Troitskaya groups, Western Priamurye.

Мохэская археологическая культура была выделена А.П. Окладниковым по материалам раскопок в Приморье. Культура сразу получила этническую идентификацию. По данным из китайских летописей было известно, что в Приамурье, Приморье и Маньчжурии в середине — второй половине I тыс. н.э. расселялись многочисленные племена мохэ, объединенные в семь основных групп [Окладников, 1959]. Главным археологическим признаком мохэских объектов стала керамика.

В дальнейшем изучением мохэских памятников занимались Е.И. Деревянко [1975; 1981; 1988; 1991], О.В. Дьякова [1984; 1987; 1993], С.П. Нестеров [1998], Д.П. Болотин [2003; 2010] и многие другие исследователи.

Накопившийся на сегодняшний день объем информации позволяет провести сравнение двух основных раннесредневековых групп мохэ Западного Приамурья — найфельдской и троицкой.

Если говорить об истоках формирования, то для Восточного Приамурья, части Приморья и Маньчжурии (в пределах пров. Хэйлунцзян) до

VIII в. (т. е. до появления в этом регионе памятников троицкого и бохайского типов) найфельдская группа мохэ, соотносимая с летописными хэйшуй, была основным населением. Археологические памятники хэйшуй мохэ в Западном Приамурье, которое изначально не входило в зону их расселения, появляются, судя радиоуглеродным данным, не ранее VII в. [Нестеров, 1998, с. 55; Волков, 2009, с. 256].

Территории расселения хэйшуй мохэ в Приханканье, долинах рек Уссури, Сунгари, Муданьцзян, Ашихэ были подчинены Бохаю. Нестабильная политическая обстановка в отношениях хэйшуй с государством Бохай [Государство Бохай..., 1994, с. 33–34], способствовала миграционным процессам, в результате которых хэйшуй появились на берегах Амура, к западу от Малого Хингана. Их путь из Маньчжурии, скорее всего, проходил через бассейн Верхней Нонни, через плато, расположенное между Ильхури-Алинем и западными отрогами Малого Хингана [Нестеров, 1998, с. 70].

Придя в Западное Приамурье, хэйшуй мохэ встретили здесь аборигенное население бэй шивэй михайловской культуры. Покорив занимаемые аборигенами наиболее удобные земли вдоль Амура, в пределах низовий рек Завитой, Буреи, Архары, Урила, Малого Хингана, хэйшуй мохэ вынудили бэй шивэй отойти на северо-запад относительно прежних мест проживания. Продвижение происходило как вверх по Амуру, основной магистрали Западного Приамурья, так и по малым рекам — Завитой, Горбылю, Буреи. Результатом этого процесса стало значительное увеличение защищенных городищ к северо-западу от рассматриваемого района (Михайловское городище на р. Завитой; ряд городищ на р. Горбыль и его притоках, Симичинское и Иришкино на р. Буреи; городище на р. Белой).

Отдельные факты свидетельствуют о возможном влиянии бэй шивэй на пришлых хэйшуй мохэ. Так, на Завитинском могильнике в устье р. Завитой найден в разрушенном погребении целый сосуд найфельдского типа, тулово которого полностью покрыто вафельным орнаментом, характерным для гончарной посуды михайловской культуры [Нестеров, 2008, с. 472].

Таким образом, местами исхода хэйшуй мохэ в Западное Приамурье в основном являются Маньчжурия (совр. пров. Хэйлунцзян) и, не исключено, Восточное Приамурье. Нужно заметить, что их миграция шла не только в северо-западном направлении, но и на северо-восток, на побережье Охотского моря, где в токаревской культуре имеются черты найфельдской керамической традиции [Нестеров, 2002, с. 94]. Присутствие найфельдских традиций в керамическом производстве можно отметить и в керамике типа энаура островной части охотского побережья — Сахалина, Курил, Хоккайдо, Хонсю [Дерюгин, 2008, с. 59].

В VIII в., пройдя тем же путем, что и хэйшуй мохэ, через единственный удобный проход между Ильхури-Алинем и западными отрогами Малого Хингана, на территорию Западного Приамурья переселились бохайские сумо мохэ. Прийдя в районы, занятые хэйшуй, сумо вынуждены были продвинуться вверх по Амуру и Зее на территории, занятые шивэйским населением, в результате симбиоза с которым появилась троичская группа мохэ [Нестеров, 2010, с. 274]. На северо-западе региона ею были освоены территории по Амуру, вплоть до р. Шилки [Деревянко Е.И., 1975, с. 20; Алкин, Нестеренко, Васильев и др., 2007; Алкин, Нестеренко, 2009].

Ареалом проживания представителей найфельдской группы на этом этапе стала терри-

тория центральной части Зейско-Буреинской равнины (современные Константиновский и Михайловский районы Амурской области). Об этом свидетельствуют наличие большого количества найфельдских памятников к востоку (поселения на оз. Белоберезовом, на горе Шапка, Усть-Талакан, могильники Новопетровский, Шапка, Куприяново, Сагибово) и практически полное отсутствие их к западу (единичные находки найфельдской керамики у с. Сергеевки, в устье р. Анго, в пади Калашникова). На рубеже I и II тыс. н.э. сформировавшаяся в Западном Приамурье троичская группа населения продвинулась и на восток Зейско-Буреинского района — на р. Бурею до гор Малого Хингана, о чем говорит появление в этом регионе памятников Падь Прибрежная, поселения у с. Поярково, поселения и городища Чесночиха и Сохатиный Ключ [Нестеров, 2010, с. 274].

В то же время имеющиеся археологические данные говорят о незначительных контактах найфельдской и троичской групп мохэ. При этом памятников троичского типа значительно больше, чем найфельдского, и располагаются те и другие на одной территории. Это позволяет сделать вывод о том, что уже в VIII в. эти две группы населения имели чересполосное проживание [Там же, с. 279].

Разные истоки названных археологических и этнических групп хорошо иллюстрируются на антропологическом материале. Носители троичских традиций по черепам из Троичского могильника отнесены В. П. Алексеевым к байкальской расе, представители которой являлись носителями комплекса признаков, характерных для современных тунгусо-маньчжурских народов [1986, с. 91–92]. Антропологические характеристики найфельдского населения (по материалам могильника Шапка) выявили сочетание признаков, характерных для дальневосточной расы. В современном населении спектр ее вариантов представлен у китайцев, корейцев, японцев [Чикишева, Нестеров, 2000, с. 461–462].

Все поселения троичской группы мохэ можно разделить на неукрепленные (поселки, временные стоянки) и укрепленные (городища). Среди неукрепленных поселений известны как небольшие (Осиновое Озеро), так и довольно крупные (Падь Степаниха). На сегодняшний день известны городища на р. Белой, у с. Семиозерка, Чесночиха, Сохатиный Ключ.

Для найфельдской группы мохэ в Западном Приамурье характерны только неукрепленные поселения и временные стоянки (Усть-Талакан, оз. Белоберезовое).

К настоящему времени исследовано около 30 жилищ мохэского времени. Традиционное жилище хэйшуй мохэ, характерное для первоначального этапа найфельдской группы, представляло собой четырехугольную в плане каркасно-столбовую конструкцию, заглубленную в котлован. Очаг был смещен к южной стене или располагался в середине жилого пространства, имел овальную или прямоугольную форму и был либо ничем не укреплен, либо обложен по периметру плашками. Внутри интерьера могли быть опорные (или подпорные под стропила или скаты кровли) столбы; выход осуществлялся через дверь в одном из скатов жилища. При этом жилища на территории Приморья, Восточного Приамурья и Западного Приамурья имеют различия лишь в глубине котлована, изменяясь в сторону ее увеличения на западе, что, на наш взгляд вызвано более суровыми климатическими условиями [Волков, 2011].

Другой тип постройки — однокамерная, прямоугольная в плане наземная конструкция с камом (городище на горе Шапке) [Деревянко Е.И., 1988]. Подобные жилища встречаются также в Восточном Приамурье на исконных землях хэйшуй мохэ — памятники Сикачи-Алян и Муланьцзидун [Дьякова, Шавкунов, 1975, с. 159–160].

Два первых типа жилищ, вероятно всего, сооружались на стационарных поселениях, хотя возможно использование конструкции первого типа на охотничьих заимках.

Третий тип жилища — наземная каркасная постройка пирамидальной формы со съёмным перекрытием скатов кровли — встречен на памятнике Усть-Талакан (жилище 2). Основное использование этих построек — проживание на временных сезонных стоянках в местах охотничьих угодий.

Раскопки жилищ троичкой группы мохэ показали, что по конструктивным деталям их можно разделить на два типа. Первый включает жилища подквадратной в плане формы. В них не обнаружена рама-основа из четырёх брёвен, но отмечены ямы от подпорных столбов для стропил. Сюда можно отнести раскопанные постройки поселений Грязнушка, Осинное Озеро [Деревянко Е.И., 1975]. Очаги в них прямоугольные или квадратные, заглублённые в пол. Размеры сторон жилищ варьируют от 5 до 6 м. Глубина котлована 1,2–2,2 м. Вход в жилище мог быть в виде углублённого коридора, примыкающего к одной из его сторон. Некоторые жилища имели выступающие за пределы котлована хозяйственные ниши. Пол мог иметь обмазку [Деревянко Е.И., 1975].

Второй тип жилища троичкой группы мохэ в своей основе имеет каркасно-столбовую конструкцию в виде рамы из брёвен (пос. Семиозёрка). Наиболее полно такая постройка изучена на раннесредневековом поселении Осинное Озеро [Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров и др., 2010].

Погребения хэйшуй мохэ в Западном Приамурье изучены на могильниках Шапка и Новопетровский. Захоронение умерших осуществляли на кладбищах иногда в продолжение значительного времени, о чем свидетельствует большое количество погребений некоторых могильников. Так, на могильнике Шапка выявлено 180 западин-могил. Основной обряд погребения — вторичные захоронения [Нестеров, Росляков, Тетерин, 1987]. Первичный способ погребения — труположение, или ингумация, применялся редко. Трупосожжения встречаются в единичных случаях и не на всех известных могильниках.

Наиболее изучены некрополи троичкой группы мохэ — Троицкий могильник, Липовый Бугор, Падь Прибрежная, Красный Бугор (Октябрьское-1). Троицкий могильник большой и многослойный. На отдельных его участках более древние могилы перекрывались поздними, а те, в свою очередь, были нарушены еще одним слоем погребений [Деревянко Е.И., 1977]. На Троицком могильнике выявлено следующее соотношение способов захоронения умерших: первичных захоронений — 37 (13%), в том числе два погребения на животе, преобладают вторичные погребения — 240 (84%) и только 10 (3%) представлены трупосожжениями [Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2008, с. 161].

Таким образом, можно констатировать, что в погребальном обряде мохэ как троичкой, так и найфельдской группы преобладал вторичный способ погребения умерших людей, первой фазой которого было наземное воздушное захоронение.

Различие между погребальными традициями найфельдского и троичкого населения наблюдается в количестве ингумаций и сожжений. Хэйшуй мохэ практиковали эти способы захоронений редко. В обеих группах зафиксировано ритуальное использование огня при проведении похоронного обряда (разведение огня в слегка присыпанной могиле, а также на ее поверхности). Однако для Троицкого могильника было установлено применение огня для отжига слоя тяжёлого суглинка при копке могильной ямы [Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2008, с. 165–166].

Исследованные на Троицком могильнике внутримогильные деревянные конструкции представлены лишь обугленными плашками и прокалами стен и, реже, дна могилы. При этом, как правило, ни погребальный инвентарь, ни кости человека следов пребывания в огне не имеют. Это значит, что останки человека и вещи укладывали в могилу после сожжения облицовки ее стен или рамы-обкладки. В тех редких случаях, когда дерево в могиле еще тлело, а захоронение уже совершалось, на костях появлялись следы обожжения. Предварительное сожжение деревянных конструкций внутри могилы, таким образом, можно рассматривать как их порчу по аналогии со сломанными вещами и разрозненностью костей скелета, которые препровождались в иной мир в одинаковом состоянии.

Изучение разрезов западин погребений на Троицком могильнике показало, что они являлись частью внешнего оформления могил и создавались целенаправленно. После того, как внутренние деревянные конструкции были установлены, а затем сожжены, кости скелета уложены на дне могилы и помещён погребальный инвентарь, все это засыпалось грунтом, вынутым при копке могильной ямы, на высоту от 10 до 40 см (чаще до 20 см). Оставшиеся открытыми вертикальные стенки ямы выполаживались подсыпкой грунта, который дополнительно уплотняли. В результате в середине могилы образовывалась яма с чашевидным или конусовидным дном. В некоторых случаях западины формировалась в стороне от центра ямы. В культурном слое между могилами и в верхней части западин встречается большое количество зубов лошади, а на краю некоторых погребений — их целые нижние челюсти [Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2008, с. 167].

Погребальный инвентарь мохэ найфельдской и троичкой групп представлен схожими категориями хозяйственного, бытового и военного назначения. Существенные различия — в лепной керамике, которая и позволяет чаще всего различать эти две группы. Большинство предметов перед захоронением в могиле приводилось в негодность или выводилось из обихода (например, сосуды переворачивали вверх дном). Новая черта погребального обряда зафиксирована в двух смежных могилах Троицкого некрополя, где найдены сосуды, внутри которых находились сломанные наконечники копий. При этом, как и у большинства сосудов, их дно пробито, в одном случае тем же обломком копья, но не с внешней, а с внутренней стороны.

В захоронениях часто встречаются украшения — накладные поясные бляхи, серьги, бубенчики, бронзовые и стеклянные бусины. Большая часть поясных бляшек имеет так называемый «тюркский» облик — в раннем Средневековье подобные бляшки были распространены на огромной территории от Дальнего Востока до Восточной Европы. Традиционными амурскими можно назвать украшения солярного стиля и поясные бляшки прямоугольной формы с прорезным орнаментом. Серьги у мохэ были нескольких видов, но традиционными считаются сделанные из бронзовой или серебряной проволоки с нефритовым диском.

Среди погребального инвентаря мохэ существенная доля принадлежит вооружению. Основным оружием в эпоху раннего Средневековья были сложносоставные луки. Луки мохэ применяли как в бою, так и на охоте. Обнаруженные наконечники стрел чрезвычайно разнообразны. Преобладают железные, хотя имеются и костяные. В погребениях найдены наконечники копий, палаши и кинжалы. Защитное вооружение мохэ состояло из пластинчатого доспеха.

Сравнивая керамический материал найфельдского и троичкого населения Западного Приамурья, следует отметить ряд существующих различий.

Во-первых, для троичкой керамики характерно то, что все сосуды в процессе формовки покрывались ложнотекстильными оттками, которые в большинстве случаев мастера потом уничтожали, заменяя новым орнаментом.

Во-вторых, очевидными стали изменения, происходившие с типично мохэскими сосудами. Причем изменения развивались в двух направлениях:

а) постепенное исчезновение налепного валика под венчиком у баночных сосудов и параллельная трансформация венчика; иными словами, началось изменение формы основного для данной культуры сосуда;

б) попытка приспособить типично мохэский сосуд к новой круговой технике лепки керамики; т. е. это была наиболее прогрессивная линия развития, которая могла бы стать следующей ступенью его эволюции. Однако широкого распространения эта техника не получила, и мы сталкиваемся лишь со спорадическими фактами указанного явления как у амурских мохэ, так и у амурских чжурчжэней. Отсюда следует, что типично мохэский сосуд оказался консервативным и практически за все время существования мохэской культуры значительного развития не получил. В данном случае круго-

вая техника оказала на него косвенное влияние. В целом же для троицкой группы памятников характерно параллельное существование лепной и круговой техники, что может свидетельствовать только об одном — мохэ до прихода на Амур не знали круга и получили его от каких-то других племен [Дьякова, 1984, с. 75].

В-третьих, в троицкой группе памятников, в отличие от найфельдской, сосуды в основном украшались наклепными валиками (для найфельдской характерен прочерченный орнамент). Значение врезного декора здесь несравненно меньше.

В-четвертых, в декоре мохэских сосудов фиксируется разомкнутый валик, который в ряде случаев имеет концы, опущенные вниз по стенке сосуда в виде «усов». На Дальнем Востоке в домохэское время такое специфическое украшение не встречается. В найфельдской же

группе памятников мотив свисающих «усов» именно в таком виде не обнаружен, хотя встречены его вариации в виде наклепного валика, имитирующего завязанный перевитый шнур со свисающими концами. Иногда этот мотив передавался прочерчиванием. По мнению О.В. Дьяковой, население обеих групп памятников узнало этот орнамент от сибирских племен, но одни сохранили его в первозданном виде, а у других он оказался видоизмененным [Там же, с. 76–77].

У обеих групп мохэ имеются сосуды с косым устьем. Керамисты найфельдской группы изготавливали данные емкости с вырезом примерно до середины тулова, а троицкие делали вырез практически на две трети его высоты.

Таким образом, выявлены следующие сходства и различия между двумя группами мохэ:

По имеющимся на сегодняшний день данным можно говорить о том, что представители

Найфельдская группа	Троицкая группа
<i>Место и истоки формирования</i>	
Приморье, Манчжурия и Восточное Приамурье	Территория Западного Приамурья; в результате симбиоза пришлых бохайских сумо мохэ с шивэйским населением
<i>Антропологический тип</i>	
Дальневосточная раса	Байкальская раса
<i>Зона расселения в Западном Приамурье</i>	
От центральной части Зейско-Буреинской равнины до Малого Хингана	Изначально — северо-западная часть Западного Приамурья вплоть до Шилки (условная граница — центральная часть Зейско-Буреинской равнины в пределах современного Константиновского и Михайловского районов Амурской области), с последующим расселением на всей территории Западного Приамурья
<i>Типы поселений</i>	
— поселенческие комплексы в виде небольших и крупных поселков; — сезонные стоянки; — укрепленные поселения (в Приморье)	— поселенческие комплексы в виде небольших и крупных поселков; — укрепленные поселения — городища (возможно, как традиция, заимствованная у аборигенного шивэйского населения)
<i>Жилищные комплексы</i>	
— каркасная конструкция, заглубленная в землю без рамы основы; — легкая переносная временная постройка; — наземная конструкция с каном; — наличие хозяйственных ям-погребов	— каркасная конструкция, заглубленная в грунт, с рамой-основой и подпорными столбами под стропила; — каркасная конструкция пирамидальной формы, заглубленная в грунт, с рамой-основой, без подпорных столбов под стропила
<i>Погребальный обряд</i>	
— преимущественно вторичное погребение; — единичные случаи первичного погребения с подогнутыми ногами и трупосожжения	— вторичное погребение — первичное погребение с подогнутыми ногами; — первичное погребение лицом вниз; — большая доля трупосожжений; — «пустые» погребения (без костных останков) — кенотафы
<i>Керамический комплекс</i>	
— вазовидные сосуды; — горшки с наклепным и врезным орнаментом; — сосуды с косым устьем	— горшковидные сосуды с наклепным орнаментом и следами затертого вафельного орнамента; — сосуды, доработанные на круге; — баночные сосуды; — сосуды с косым устьем

найфельдской группы — это население, антропологически относящееся к дальневосточной расе, изначально проживавшее на территории Манчжурии, Восточного Приамурья и Приморья, появившееся на территории Западного Приамурья не ранее VII в. н.э., с устойчивыми традициями в домостроительстве и погребальном обряде, со сформировавшимися керамическими комплексами, испытавшими в Западном Приамурье незначительное влияние гончарства аборигенного населения михайловской культуры и на позднем этапе — троичской группы мохэ. Несмотря на миграции, мохэ найфельдской группы сохранили основные традиции в керамическом производстве, следы которого фиксируются по всей территории Дальнего Востока, на Охотском побережье, островной части Сахалина и Японии. Это позволяет выделить найфельдскую группу памятников в отдельную археологическую культуру. В то же время, при всем многообразии различий в материальной культуре двух групп населения, основополагающим определяющим фактором является лепная керамика. Лишь при ее наличии в поселенческих комплексах и погребениях достаточно четко можно различить найфельдскую и троичскую группы населения. К тому же факты, подтверждающие одновременность проживания на одной территории двух групп населения, позволяют сделать вывод о возможных близкородственных отношениях.

Исходя из этого, можно говорить, что на первом этапе (V–VII вв. н.э.) найфельдская группа хэйшуй мохэ являлась отдельной археологической культурой, занимавшей территории Северо-Восточной Манчжурии, Восточного Приамурья и части Приморья. С появлением государства Бохай изменившаяся ситуация заставила хэйшуй мохэ искать новые земли, что привело к появлению их части в Западном Приамурье.

В VII — нач. VIII в., после переселения хэйшуй мохэ в Западное Приамурье, с ними начинают происходить изменения, связанные со столкновением с аборигенным населением бэй шивэй михайловской культуры и, позже, с пришлыми в этот регион бохайскими сумо мохэ. По всей видимости, во взаимоотношениях этих групп населения сложилась ситуация, аналогичная современному состоянию и уровню взаимопонимания современных эвенков Приамурья и якутов на границе Амурской области и Якутии. Считая себя абсолютно разными культурами со своими традициями, периодически

конфликтуют в бытовых вопросах, различая друг друга по внешним антропологическим признакам, говоря на разных языках, они проживают на одних территориях, ведут идентичное хозяйство, заключают совместные смешанные браки. Исходя из этого, о найфельдской группе мохэ в Западном Приамурье следует говорить как об отдельном, локальном варианте найфельдской культуры.

Тогда троичское население также можно считать отдельной археологической культурой, занимавшей территорию Западного Приамурья и часть Забайкалья (до Шилки), четко локализуемой в хронологическом диапазоне, имевшей свои устойчивые культурные традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.** Этногенез. — М.: Высшая школа, 1986. — 176 с.
- Алкин С.В., Нестеренко В.В.** Изучение фортификации Усть-Чернинского городища в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. — Т. XV. — С. 200–203.
- Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К.** Исследования на городище Усть-Черная в Средненском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. — Т. XIII. — С. 168–172.
- Болотин Д.П.** Истоки мохэской археологической традиции Приамурья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. — С. 294–304.
- Болотин Д.П.** Мохэские традиции в Западном Приамурье // Традиционная культура востока Азии. — Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. — Вып. 6. — С. 156–164.
- Волков Д.П.** Строительные традиции найфельдского населения на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. — Т. XV. — С. 252–256.
- Волков Д.П.** Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология: Археология и этнография. — 2011. — Т. 10. — Вып. 7. — С. 176–182.
- Государство Бохай** (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. — М.: Наука, 1994. — 219 с.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Суботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Института культурного наследия, 2008. – Вып. I, часть 1: раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. – 218 с.

Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Жи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Государственного исследовательского Института культурного наследия, 2010. – Вып. III: раскопки раннесредневекового поселения Осинное Озеро в 2009 году, – 317 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). – Новосибирск: Наука, 1981. – 333 с.

Деревянко Е.И. Городище на горе «Шапка» // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск, 1988. – С. 110–126.

Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 158 с.

Дерюгин В.А. К вопросу определения понятия «охотская культура» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1 (33). – С. 58–66.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Дьякова О. В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 52–63.

Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). – Владивосток: Дальнаука, 1993. – Ч. I–III. – 408 с.

Дьякова О.В., Шавкунов Э.В. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре – городище Сикачи-Алян // Советская археология. – 1975. – № 3. – С. 158–171.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.

Нестеров С.П. Пути и время миграции хэйшуй мохэ в Западном Приамурье // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Том I. – С. 90–94.

Нестеров С.П. Этнокультурные связи населения Приамурья в раннем средневековье // Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и Российским Дальним Востоком. – Владивосток: Дальневост. тех. ун-т, 2008. – С. 91–106.

Нестеров С.П. Взаимоотношения этнических групп населения Западного Приамурья во второй половине I тысячелетия // Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. – Владивосток: ООО «Рея», 2010. – С. 273–280.

Нестеров С.П., Росляков С.Г., Тетерин Ю.В. Могильник Шапка – памятник эпохи средневековья на Среднем Амуре // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск, 1987. – С. 46–72.

Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. – Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1959. – 291 с.

Чижишева Т.А., Нестеров С.П. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – 2000. – Т. VI. – С. 461–462.